

УДК 81 42

СРЕДСТВА ОСМЫСЛЕНИЯ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «БЕЛАЯ ГОЛУБКА КОРДОВЫ»

Ю.В. Явари

Тверской государственный технический университет, Тверь

Представляя собой одно из средств выражения национального и/или исторического колорита в художественных произведениях, слова-реалии обозначают материальные предметы национального быта и культуры одного народа, чуждые представителям других народов. Вводя в текст художественного произведения незнакомые читателю реалии, автор должен использовать различные средства их осмысления, чтобы читатель воспринял описываемое без затруднений и вместе с тем почувствовал особый местный, национальный и/или исторический колорит. Анализируются средства осмысления реалий, используемые Д. Рубиной в романе «Белая голубка Кордовы».

Ключевые слова: слова-реалии, осмысление реалий, средства осмысления реалий, объяснение / пояснение реалии, передача местного национального колорита.

Для более красочного изображения жизни другого народа или другой эпохи, т.е. для описания чуждой для читателя действительности, автор вводит в текст художественного произведения слова-реалии, являющиеся неотъемлемой частью лексики народного языка и представляющие собой одно из средств выражения национального и/или исторического колорита в художественных произведениях. Термин «реалия» обозначает «элементы быта и культуры, исторической эпохи, социального и государственного устройства и фольклора данного народа, чуждых другим народам» [1: 222].

С. И. Влахов и С. П. Флорин выделяют реалии в особую категорию средств выражения и определяют реалии как «слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе» [2: 18]. Все эти слова, незнакомые или малознакомые читателю, автор должен подать так, чтобы читатель воспринял описываемое без затруднений и вместе с тем почувствовал тот особый местный, национальный и/или исторический колорит, ради передачи которого и были введены в текст эти инородные элементы [цит. раб.: 78]. Наиболее удачным, на их взгляд, является такое введение в художественный текст реалии, незна-

комой читателю, которое гарантирует естественное восприятие читателем без использования автором средств её осмысления [цит. раб.: 80].

Не требуют объяснений по большей части те реалии, которые знакомы читателю (из литературы, печати, культурного общения). Таковы, например, вошедшие во многие языки интернациональные реалии, о каждой из которых у читателя давно сложилось соответствующее представление, так что писатель, вводя данное слово в свой текст, довольно точно знает, что его поймут. Довольно часто в соображения писателя входит расчёт на контекстуальное осмысление, на то, что читатель поймет введенную реалию «по смыслу»; нередко также случаи переоценки фоновых знаний читателя, когда автор не объясняет реалию, свою или чужую, но явно незнакомую читающей публике.

Приведём некоторые результаты анализа средств осмысления реалий, используемых Д. Рубиной в романе «Белая голубка Кордовы».

Действие названного романа происходит в нескольких странах, поэтому для передачи местного национального колорита автор в изобилии употребляет реалии, отражающие быт и культуру народа соответствующей страны. При этом она весьма успешно использует практически весь арсенал средств осмысления реалий, за исключением интернациональных реалий, известных читателю и не требующих пояснений, например, таких, как «*Гранд Канал*» и «*гондолы*»: «Он был уверен, что оказавшись когда-нибудь в Венеции, мысленно представит эту карту и пойдет, в сторону Академии, поднимется на этот мост... И остановится на нём, и постоит, глядя, как снуют по Гранд Каналу катера и гондолы» [3: 319]. В остальных же случаях, вводя в текст чужие для читателя, большей частью испанские, реалии, Рубина тщательно относится к их пояснению, выбирая самый удобный для читателя способ – толкование их тут же в тексте, выделенное запятыми или тире, например: «... на столе уже стояла миска с подрумяненной и политой оливковым маслом брускеттой, тёплым лёгким хлебом» [3: 237] или: «Поголовно все мужчины и женщины одеты были в чёрные плащи с пелеринами. Многие – в сомбреро-кордовес, чёрных шляпах с широкими полями и плоской тульей, украшенной красным или белым цветком» [3: 475], лишь иногда в сноске в нижней части страницы: «Ну, что – спросил он, – что тебе привезти – *кастануэлас*?» В нижней части страницы приводится пояснение: «*кастануэлас (исп.)* – кастаньеты...» [3: 12]; или: «Дружная пляска в динамиках сменилась ещё более зажигательной, в середине которой какой-то виртуоз-*байлаор* вытворял каблуками, стопами и носками туфель такую симфоническую канонаду, что после этого *сапатеадо* грянули нескончаемые овации невидимых слушателей». В сноске приводится пояснение: «*байлаор (исп.)* танцор фламенко»; «*сапатеадо (исп.)* – спец. термин фламенко, означает быструю и чёткую работу ног в танце» [3: 139]. Как видно из данного примера, автор соче-

тает графическое выделение реалии в тексте – курсив – с пояснением в сноске. Следует отметить, что Рубина часто графически выделяет реалии, используя курсив: «Сейчас многое ушло. И многие вещи ушли,... например, *букаро*, глиняные такие кувшины с ледяной водой...» [3: 163] или кавычки: «В народе так называют образ Богородицы из городка Росио, недалеко от Севильи. Туда каждой весной где-то в мае–июне на «Пентекостес», это Пятидесятница, идут паломники...» [3: 42]. Из приведённых примеров видно, что автор довольно часто сочетает графическое выделение реалии курсивом с её пояснением тут же в тексте, выделенным запятыми или тире, например: «Марио то и дело отлучался к барбекю: *фьерентина* – говяжий бифштекс на углях – была его коньком и угощением для особо симпатичных гостей...» [3: 237].

Иногда Рубина сначала называет некий предмет или понятие, а после даёт его испанское название, выделенное курсивом, таким образом, получается, что пояснение предвосхищает реалию, а не наоборот, что является более распространённым: «... под акациями и платанами вереницей стояли запряженные лошадыми открытые пролетки с возницами – *коче де кабальос* – сезонный бизнес...» [3: 476]; «Из кухни дверь вела в столовую, которую Мануэла именовала по-кордовски *комедор*, большую квадратную залу со старой тёмной мебелью...» [3: 508]. Интересно объяснение реалии «гранд-гала», названия парадной формы алебардистов Ватикана: саму реалию автор заключает в кавычки и следом даёт толкование-перевод, выделенное курсивом: «... фотография с церемонии присяги. Облачённый в “гранд-гала”, *большую парадную* синезёлто-красную форму алебардистов...» [3: 242].

В романе присутствуют не только иностранные реалии, но и местные (локальные), так как действие происходит также и в городке Винница. Поэтому автор поясняет не только иноязычные, иностранные реалии, но и винницкую местную реалию «Кумбары»: «Можно было смотаться на Кумбары – на другой пляж, городской, песчаный – культурный...» [3: 269].

Проанализированные примеры дают право утверждать, что Дина Рубина, несмотря на большое количество чужих реалий в тексте романа, прекрасно справляется с задачей их осмысления и пояснения. Используя практически весь богатый арсенал средств осмысления реалий, она успешно вводит их в текст, так, что они не вызывают затруднений восприятия у читателя, и не совершает ошибок, когда некоторые реалии остаются непонятными читателю из-за того, что автор рассчитывает на контекстуальное осмысление реалии читателем или на то, что читатель прибегнет к помощи справочников, словарей или энциклопедий. Рубина также не переоценивает фоновые знания читателей, давая пояснения названий вин или блюд. Например, автор не поясняет нам, что такое *фламенко*, и абсолютна права, так как этот национальный испанский

танец сегодня можно считать интернациональной реалией, известной читателям за пределами Испании, но тщательно объясняет некоторые специальные термины и понятия этого танца, известные, возможно, только специалистам, но никак не широкой публике: «байлаор» и «сапатеадо». Таким образом, многочисленные, по большей части испанские, а иногда и итальянские реалии в романе Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» передают национальный испанский (или итальянский) колорит, не загружая текст романа излишними инородными, не понятными читателю, элементами.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 524 с.
2. Влахов С.И., Флорин С.П. Непере译димое в переводе. 4-е изд., М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
3. Рубина Д. Белая голубка Кордовы: роман. М.: Эксмо, 2009. 544 с.

THE MEANS OF REALIA CONCEPTION IN THE NOVEL BY DINA RUBINA «WHITE PIGEON OF CORDOVA»

Yu.V. Yavari

Tver State Technical University, Tver

For a colourful description of a reality unfamiliar to the readers the author of fiction uses realia-words, exponents of national and / or historical colour. Introducing the realia the author should apply different means of realia conception for the reader to perceive the described alien reality without difficulties, while grasping the implied specific colour. The article analyses the means of realia conception used by Dina Rubina in the novel «White pigeon of Cordova».

Keywords: *realia words, the description of an alien reality in a fiction, the realia conception, the means of realia conception, explication of realia, expression of national and / or historical colour.*

Об авторе:

ЯВАРИ Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тверского государственного технического университета, e-mail: juliavy@yandex.ru